

P2
T53

КРАСНАЯ БИБЛИОТЕКА
А С С И К О В

Л. Н. ТОЛСТОЙ

ПОСЛЕ БАЛА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

ДЕШЕВАЯ БИБЛИОТЕКА
КЛАССИКОВ

Л. Н. ТОЛСТОЙ

ПОСЛЕ БАЛА

Библиотека Кав. Фронт. Части. Топографическая

№ 6425

БИБЛИОТЕКА
№ 7609

Всесоюзная библиотека

ПРОВЕРЕНО
1962 ГОД

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА ☆ 1928 ☆ ЛЕНИНГРАД

— Вот вы говорите, что человек не может сам по себе понять, что хорошо, что дурно, что все дело в среде, что среда заедает. А я думаю, что все дело в случае. Я вот про себя скажу...

Так заговорил всеми уважаемый Иван Васильевич после разговора, шедшего между нами, о том, что для личного совершенствования необходимо прежде изменить условия, среди которых живут люди. Никто, собственно, не говорил, что нельзя самому понять, что хорошо, что дурно, но у Ивана Васильевича была такая манера отвечать на свои собственные, возникающие вследствие разговора мысли, и по случаю этих мыслей рассказывать эпизоды из своей жизни. Часто он совершенно забывал повод, по которому он рассказывал, увлекаясь рассказом, тем более что рассказывал он очень искренно и правдиво.

Так он сделал и теперь.

— Я про себя скажу. Вся моя жизнь сложилась так, а не иначе, не от среды, а совсем от другого.

— От чего же?—спросили мы.

— Да это длинная история. Чтобы понять, надо много рассказывать.

— Вот вы и расскажите.

Иван Васильевич задумался, покачал головой.

— Да,—сказал он.—Вся жизнь переменялась от одной ночи или, скорее, утра.

— Да что же было?

— А было то, что был я сильно влюблен. Влюблялся я много раз, но эта была самая моя сильная любовь. Дело прошлое; у нее уже дочери замужем. Это была Б..., да, Варенька Б.—Иван Васильевич назвал фамилию.—Она и в пятьдесят лет была замечательная красавица, но в молодости, восемнадцати лет, была прелестна: высокая, стройная, грациозная и величественная, именно величественная, держалась она всегда необыкновенно прямо, как будто не могла иначе, откинув немного назад голову, и это давало ей, с ее красотой и высоким ростом, несмотря на ее худобу и даже костлявость, ка-

кой-то царственный вид, который отпугивал бы от нее, если бы не ласковая всегда, веселая улыбка и рта, и прелестных блестящих глаз, и всего ее милого, молодого существа.

— Каково Иван Васильевич расписывает!

— Да как ни расписывай, расписать нельзя так, чтобы вы поняли, какая она была. Но не в том дело. То, что я хочу рассказать, было в сороковых годах. Был я в то время студентом в провинциальном университете. Не знаю, хорошо ли это или дурно, но не было у нас в то время в нашем университете никаких кружков, никаких теорий, а были мы просто молоды и жили, как свойственно молодости: учились и веселились. Был я очень веселый и бойкий малый, да еще и богатый. Был у меня иноходец лихой, катался я с гор с барышнями (коньки еще не были в моде), кутил с товарищами (в то время мы ничего, кроме шампанского не пили: не было денег—ничего не пили, а не пили, как теперь, водку). Главное же мое удовольствие составляли вечера и балы. Танцевал я хорошо и был не безобразен.

— Ну, нечего скромничать,—перебила его одна из собеседниц.—Мы ведь знаем ваш еще

дагеротипный портрет. Не то, что не безобразен, а вы были красавец.

— Красавец, так красавец, да не в этом дело. А дело в том, что во время моей этой самой сильной любви к ней был я в последний день масленицы на бале у губернского предводителя, добродушного старичка, богача, хлебосола и камергера. Принимала такая же добродушная, как и он, жена его в бархатном плюсовом платье, в брильянтовой фероньерке на голове и с открытыми старыми, пухлыми, белыми плечами и грудью, как портреты Елизаветы Петровны. Бал был чудесный. Зала прекрасная, с хорами, музыканты—знаменитые в то время крепостные помещика-любителя, буфет великолепный и разливанное море шампанского. Хоть я и охотник был до шампанского, но не пил, потому что без вина был пьян любовью, но зато танцовал до упаду и вальсы и польки, разумеется, насколько возможно было, все с Варенькой. Она была в белом платье с розовым поясом и в белых лайковых перчатках, немного не доходивших до худых, острых локтей, и в белых атласных башмачках. Мазурку отбил у меня противный инженер Анисимов—я до сих пор не могу простить ему это,—он пригласил ее, только что она вошла, а я заезжал к парик-

махеру за перчатками и опоздал. Так что мазурку я танцевал не с нею, а с одной немочкой, за которой я немножко ухаживал прежде, но, боюсь, в этот вечер был очень неучтив с нею, не говорил с нею, не смотрел на нее, а видел только высокую, стройную фигуру в белом платье с розовым поясом и ее сияющее, зарумянившееся, с ямочками лицо и ласковые, милые глаза. Не я один,— все смотрели на нее и любовались ею, любовались и мужчины и женщины, и несмотря на то, что она затмила их всех. Нельзя было не любоваться.

По закону, так сказать, мазурку я танцевал не с нею, но в действительности танцевал я почти все время с ней. Она, не смущаясь, через всю залу шла прямо ко мне, и я вскакивал, не дожидаясь приглашения, и она улыбкой благодарила меня за мою догадливость. Когда нас подводили к ней, и она не угадывала моего качества, она, подавая руку не мне, пожимала худыми плечами и в знак сожаления и утешения улыбалась мне.

Когда делали фигуру мазурки вальсом, я подолгу вальсировал с нею, и она, часто дыша, улыбаясь, говорила мне: «encore» ¹⁾, и я

1) Еще.

вальсировал еще и еще и не чувствовал своего тела.

— Ну, как же не чувствовали, когда обнимали за талию; не только свое, но и ее тело чувствовали, я думаю,—сказал один из гостей.

Иван Васильевич вдруг покраснел и сердито закричал почти:

— Да, вот это вы, нынешняя молодежь. Вы кроме тела ничего не видите. В наше время было не так. Чем сильнее я был влюблен, тем бестелеснее становилась для меня она. Вы теперь видите ноги, щиколки и еще что-то, вы раздеваете женщин, в которых влюблены, для меня же, как говорил Альфонс-Карр—хороший был писатель,—на предмете моей любви были всегда бронзовые одежды. Мы не то, что раздевали, а старались прикрыть наготу, как добрый сын Ноя. Ну, да вы не поймете.

— Не слушайте его. Дальше что?—сказал один из нас.

— Да, так вот танцевал я больше с нею и не видал, как прошло время. Музыканты уже с каким-то отчаянием усталости—знаете, как бывает в конце бала,—подхватывали все тот же мотив мазурки, из гостиных поднялись уже из-за карточных столов папаша и мамаша, ожидая ужина, лакеи чаще забегали, пронося

что-то. Был третий час. Надо было пользоваться последними минутами. Я еще раз выбрал ее, и мы в сотый раз прошли вдоль залы.

— Так после ужина кадрили моя,—сказал я ей, отводя ее к ее месту.

— Разумеется, если меня не увезут,—сказала она, улыбаясь.

— Я не дам,—сказал я.

— Дайте же веер,—сказала она.

— Жалко отдавать,—сказал я, подавая ей белый дешевенький веер.

— Так вот вам, чтобы вы не жалели,—сказала она, оторвала перышко от веера и подала мне.

Я взял перышко и только взглядом мог выразить весь свой восторг и благодарность. Я был не только весел и доволен,—я был счастлив, блажен, я был добр, я был не я, а какое-то неземное существо, не знающее зла и способное на одно добро. Я спрятал перышко в перчатку и стоял, не в силах отойти от нее.

— Смотрите, папа просят танцевать,—сказала она мне указывая на высокую, статную фигуру ее отца-полковника, с серебряными эполетами, стоявшего в дверях с другими дамами.

— Варенька, подите сюда,—услышали мы громкий голос хозяйки в брильянтовой фетроньерке и с елизаветинскими плечами.

Варенька подошла к двери, и я за ней.

— Уговорите же, ma chère, отца пройтись с вами. Ну, пожалуйста, Петр Владиславович,—обратилась хозяйка к полковнику.

У Отец Вареньки был очень красивый, статный, высокий и свежий старик. Лицо у него было очень румяное, с белыми à la Nicolas I подвитыми усами, белыми же, подведенными к усам бакенбардами и с зачесанными вперед височками, и та же радостная улыбка, как и у дочери, была в его блестящих глазах и губах. Сложен он был прекрасно, с широкой, небогато украшенной орденами, выпячивающейся повоенному грудью, с сильными плечами и длинными, стройными ногами. Он был воинский начальник типа старого служаки николаевской выправки.

Когда мы подошли к дверям, полковник отказывался, говоря, что он разучился танцевать, но все-таки, улыбаясь, закинув на левую сторону руку, вынул шпагу из портупеи, отдал ее услужливому молодому человеку и, патянув замшевую перчатку на правую руку,—«надо все по закону»,—улыбаясь

сказал он,—взял руку дочери и стал в четверть оборота, выжидая такт.

Дождавшись начала мазурочного мотива, он бойко топнул одной ногой, выкинул другую, и высокая, грузная фигура его то тихо и плавно, то шумно и бурно, с топотом подошв и ноги об ногу, задвигалась вокруг залы. Грациозная фигура Вареньки плыла около него, незаметно, во-время укорачивая или удлиняя шаги своих маленьких, белых, атласных ножек. Вся зала следила за каждым движением пары. Я же не только любовался, но с восторженным умилением смотрел на них. Особенно умилили меня его сапоги, обтянутые штрипками—хорошие опойковые сапоги, но не модные—с острыми, а старинные—с четверугольными носками и без каблуков,—очевидно, сапоги были построены батальонным сапожником. «Чтобы вывозить и одевать любимую дочь, он не покупает модных сапог, а носит домодельные», думал я, и эти четверугольные носки сапог особенно умиляли меня. Видно было, что он когда-то танцевал прекрасно, но теперь был грузен, и ноги уже не были достаточно упруги для всех тех красивых и быстрых па, которые он старался выделять. Но он все-таки ловко прошел два круга. Когда же он, быстро расставив ноги, опять соеди-

нил их и, хотя несколько тяжело, упал на одно колено, а она, улыбаясь и поправляя юбку, которую он зацепил, плавно прошла вокруг него, все громко зааплодировали. С некоторым усилием приподнявшись, он нежно, мило обхватил дочь руками за уши и, поцеловав в лоб, подвел ее ко мне, думая, что я танцую с ней. Я сказал, что не я ее кавалер.

— Ну, все равно, пройдитеесь теперь вы с нею,—сказал он, ласково улыбаясь и вдевая шпагу в портупею.

Как бывает, что вслед за одной вылившейся из бутылки каплей содержимое ее выливается большими струями, так и в моей душе любовь к Вареньке освободила всю скрытую в моей душе способность любви. Я обнимал в то время весь мир своей любовью. Я любил и хозяйку в фероньерке, с ее елизаветинским бюстом, и ее мужа, и ее гостей, и ее лакеев, и даже дувшегося на меня инженера Анисимова. К отцу же ее, с его домашними сапогами и ласковой, похожей на нее, улыбкой, я испытал в то время какое-то восторженное, нежное чувство.

Мазурка кончилась, хозяева просили гостей к ужину, но полковник Б. отказался, сказав, что ему надо завтра рано вставать, и простил-

ся с хозяевами. Я было испугался, что и ее увезут, но она осталась с матерью.

После ужина я танцевал с нею обещанную кадрили, и, несмотря на то, что я был, казалось, бесконечно счастлив, счастье мое все росло и росло. Мы ничего не говорили о любви; я не спрашивал ни ее, ни себя даже о том, любит ли она меня? Мне достаточно было того, что я любил ее. И я боялся только одного, чтобы что-нибудь не испортило моего счастья.

— Когда я приехал домой, разделся и подумал о сне, я увидел, что это совершенно невозможно. У меня в руке было перышко от ее веера и целая ее перчатка, которую она дала мне, уезжая. Когда садилась в карету и я подсаживал ее мать и потом ее. Я смотрел на эти вещи и, не закрывая глаз, видел ее перед собой то в ту минуту, когда она, выбирая из двух кавалеров, угадывает мое качество, и слышу ее милый голос, когда она говорит: «Гордость, да?» и радостно подает мне руку, или когда за ужином пригубливает бокал шампанского и исподлобья глядит на меня ласкающими глазами. Но больше всего я вижу ее в паре с отцом, когда она плавно двигается около него и с гордостью и радостью и за себя и за него взглядывает

на любующихся зрителей, и я невольно соединяю его и ее в одном нежном, умиленном чувстве.

Жили мы тогда один с покойным братом. Брат и вообще не любил света и не ездил на балы, теперь же готовился к кандидатскому экзамену и вел самую правильную жизнь. Он спал. Я посмотрел на его уткнутую в подушку и закрытую до половины фланелевым одеялом голову, и мне стало любовно жалко его, жалко за то, что он не знал и не разделял того счастья, которое я испытывал. Крепостной наш лакей Петруша встретил меня со свечой и хотел помочь мне раздеваться, но я отпустил его. Вид его заспанного лица с спутанными волосами показался мне умилительно трогательным. Стараясь не шуметь, я на цыпочках прошел в свою комнату и сел на постель. Нет, я был слишком счастлив, я не мог спать. Притом мне жарко было в натопленных комнатах, и я, не снимая мундира, потихоньку вышел в переднюю, надел шинель, отворил наружную дверь и вышел на улицу.

С бала я уехал в пятом часу; пока доехал домой, посидел дома, прошло еще часа два, так что, когда я вышел, уже было светло. Была самая масленичная погода: был туман;

насыщенный водою снег таял на дорогах, и со всех крыш капало. Жили Б. тогда на конце города, подле большого поля, на одном конце которого было гулянье, а на другом—девический институт. Я прошел наш пустынный переулок и вышел на большую улицу, где стали встречаться и пешеходы и ломовые с дровами на санях, достававших полозьями до мостовой. И лошади, равномерно покачивающие под глянцевитыми дугами мокрыми головами, и покрытые рогожками извозчики, шлепающие в огромных сапогах подле возов, и дома улицы, казавшиеся в тумане очень высокими,—все было мне особенно мило и значительно.

✓ Когда я вышел на поле, где был их дом, я увидел в конце его, по направлению гулянья, что-то большое, черное и услышал доносившиеся оттуда звуки флейты и барабана. В душе у меня все время пело и изредка слышался мотив мазурки. Но это была какая-то другая, жесткая, нехорошая музыка.

«Что это такое?»—подумал я и по проезженной по середине поля скользкой дороге пошел по направлению звуков. Пройдя шагов сто, из-за тумана стал различать много черных людей. «Очевидно,—солдаты. Верно, ученье»,—подумал я и вместе с кузнецом в за-

саленном полушубке и фартуке, несшим что-то и шедшим передо мною, подошел ближе. Солдаты в черных мундирах стояли двумя рядами друг против друга, держа ружья к ноге, и не двигались. Позади их стояли барабанщики и флейтщик и не переставая повторяли все ту же неприятную, визгливую мелодию.

— Что это они делают?—спросил я у кузнеца, остановившегося рядом со мной.

— Татарина гоняют за побег,—сердито сказал кузнец, взглядывая в дальний конец рядов.

Я стал смотреть туда же и увидал посреди рядов что-то страшное, приближающееся ко мне. Приближающееся ко мне был оголенный по пояс человек, привязанный к ружьям двух солдат, которые вели его. Рядом с ним шел высокий военный в шинели и фуражке, фигура которого показались мне знакомой. Держась всем телом, шлепая ногами по талому снегу, наказываемый под сыпавшимися с обеих сторон на него ударами подвигался ко мне, то опрокидываясь назад—и тогда унтер-офицеры, ведшие его за ружья, толкали его вперед, то падая наперед—и тогда унтер-офицеры, удерживая его от падения, тянули его назад. 14 не отставая от него, шел твердой, подрагивающей походкой вы-

сокий военный. Это был ее отец, с своим румяным лицом и белыми усами и бакенбардами. XXX

При каждом ударе наказываемый, как бы удивляясь, поворачивал сморщенное от страдания лицо в ту сторону, с которой падал удар, и, оскаливая белые зубы, повторял какие-то одни и те же слова. Только, когда он был совсем близко, я расслышал эти слова. Он не говорил, а всхлипывал: «Братцы, помилосердствуйте. Братцы, помилосердствуйте». Но братцы не милосердствовали, и когда шествие совсем поравнялось со мною, я видел, как стоявший против меня солдат решительно выступил шаг вперед и, со свистом взмахнув палкой, сильно шлепнул ею по спине татарина. Татарин дернулся вперед, но унтер-офицеры удержали его, и такой же удар упал на него с другой стороны, и опять с этой, и опять с той... Полковник шел подле и, поглядывая то себе под ноги, то на наказываемого, втягивал в себя воздух, раздувая щеки, и медленно выпускал его через оттопыренную губу. Когда шествие миновало то место, где я стоял, я мельком увидел между рядов спину наказываемого. Это было что-то такое пестрое, мокрое, красное, неестественное, что я не поверил, чтобы это было тело человека.

— О господи!—проговорил подле меня кузнец.

Шествие стало удаляться. Все так же падали с двух сторон удары на спотыкающегося корчившегося человека, и все так же били барабаны и свистела флейта, и все так же твердым шагом двигалась высокая, статная фигура полковника рядом с наказываемым. Вдруг полковник остановился и быстро приблизился к одному из солдат.

— Я тебе помажу,—услыхал я его гневный голос.—Будешь мазать? Будешь?

И я видел, как он своей сильной рукой в замшевой перчатке бил по лицу испуганного малорослого, слабосильного солдата за то, что он недостаточно сильно опустил свою палку на красную спину татарина.

— Подать свежих шпицрутенов!—крикнул он, оглядываясь, и увидал меня. Делая вид что он не знает меня, он, грозно и злобно нахмурившись, поспешно отвернулся. Мне было до такой степени стыдно, что, не зная, куда смотреть, как будто я был уличен в самом постыдном поступке, я опустил глаза и поторопился уйти домой. Всю дорогу в ушах у меня то была барабанная дробь и свистела флейта, то слышались слова: «Брат-

цы, помилосердствуйте», то я слышал самоуверенный, гневный голос, полковника, кричащего: «Будешь мазать? Будешь?» А между тем на сердце была почти физическая, доходившая до тошноты, тоска, такая, что я несколько раз останавливался, и мне казалось, что вот-вот меня вырвет всем тем ужасом, который вошел в меня от этого зрелища. Не помню, как я добрался домой и лег. Но только стал засыпать, услышал и увидел опять все и вскочил.

«Очевидно, он что-то знает такое, чего я не знаю, думал я про полковника. Если бы я знал то, что он знает, я бы понимал и то, что я видел, и это не мучило бы меня». Но, сколько я ни думал, я не мог понять того, что знает полковник, и заснул только к вечеру, и то после того, как пошел к приятелю и напился с ним совсем пьян.

Что же, вы думаете, что я тогда решил, что то, что я видел, было дурное дело? Ничуть. «Если это делалось с такой уверенностью и признавалось всеми необходимым, то, стало быть, они знали что-то такое, чего я не знал», думал я и старался узнать это. Но сколько ни старался—и потом не мог узнать этого. А не узнав, не мог поступить в военную службу, как хотел прежде, и не

только не служил в военной, но нигде не служил и никуда, как видите, не годился.

— Ну, это мы знаем, как вы никуда не годились,—сказал один из нас.—Скажите лучше, сколько бы людей никуда не годились, кабы вас не было.

— Ну, это уж совсем глупости,—с искренней досадой сказал Иван Васильевич.

— Ну, а любовь что?—спросили мы.

— Любовь? Любовь с этого дня пошла на убыль. Когда она, как это часто бывало с ней, с улыбкой на лице, задумывалась, я сейчас же вспоминал полковника на площади, и мне становилось как-то неловко и неприятно, и я стал реже видаться с ней. И любовь так и сошла на-нет.—Так вот какие бывают дела и от чего переменяется и направляется вся жизнь человека. А вы говорите...—закончил он.

Л. Толстой

Лев Толстой

کتابخانه جوانان

6425

20